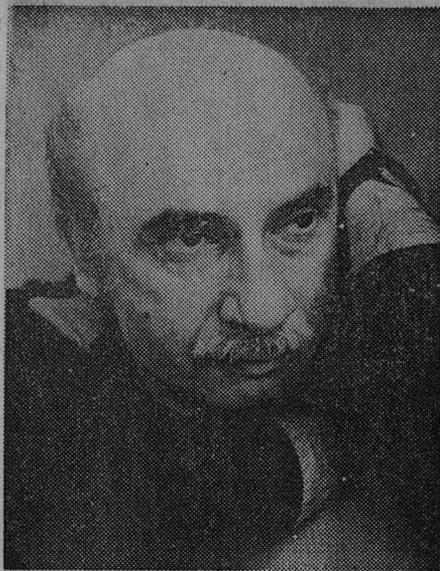

6 октября 1987 г.

Встречи для вас

СИЛА МУЗЫКИ БЕСКОНЕЧНА

МОЖНО смело сказать, что произведения **Гия Канчели** достойно представляют советское многонациональное искусство во всем мире, звучат на самых авторитетных форумах и фестивалях. Но значительно важнее, что их просто играют и слушают во всем мире — вне зависимости от форумов и фестивалей, без связи с «мероприятиями». Встречаются с ними с волнением и благодарностью, с тем глубоким чувством, которое дает музыка. Они — в постоянном репертуаре многих европейских и американских оркестров.

Наверное, большинству наших читателей Г. Канчели прежде всего известен как автор музыки к фильму «Мино» (можно добавить еще — «Твой сын, земля», «Не горюй», «Несколько интервью по личным вопросам»). Для других — он еще и композитор, постоянно работающий с режиссером Робертом Стурра, спектакли театра имени Руставели свежи в памяти свердловчан. Когда три года назад Свердловский симфонический оркестр под управлением Андрея Чистякова впервые познакомил наших слушателей с Пятой симфонией композитора, многие из тех, кто впервые встречался с его музыкой, считали, что в их духовной жизни произошло значительное событие.

Нынешний симфонический сезон в Свердловске открылся авторским вечером Г. Канчели. Наш разговор с композитором состоялся еще до концерта. И примечательно, что в привычной схеме вопросов — ответов мысли его были четкими, но открытыми для додумывания, побуждающими к дальнейшему размышлению, как и его произведения.

Гия Канчели — глубоко национальный художник, осененный вековой грузинской культурой.

— В традиции грузинского народного музицирования, — признался он, — наиболее близок мне тот загадочный дух, постичь который я не в силах. Я много думаю над тем, как возник наш музыкальный фольклор. Кто и каким образом создавал эту музыку? Отдельные личности, отмеченные «божьим даром»? Но как они находили друг друга? Мне представляется, что шедевры народного многоголосия могли возникнуть лишь в

результате совместного творчества высокоодаренных людей.

Я не принадлежу к тем, кто «свое» ставит превыше всего. Тем не менее, считаю грузинскую народную песню с ее полифонией явлением абсолютно уникальным. Повторяю, для меня — это музыка авторская. И чем больше я преклоняюсь перед гениальными анонимами, тем отчетливее понимаю, что не имею права прикасаться к созданному ими. Не имею права переносить в свои сочинения материал в его первоизданном совершенстве или разрушать неповторимое целое, используя его отдельные элементы.

Считается, что черпать из богатства, созданного народом, можно и даже нужно. Видимо, весь вопрос в том, как это делать. Жизнь показала, что имена композиторов, понимающих «черпание» слишком буквально, попросту забываются. Крупные же индивидуальности не только обогащались за счет культуры своего народа, а и сами обогащали ее. Думаю, что в подобных случаях понятия национально-го и индивидуального едины.

Грузинская песня — неотъемлемая часть жизни народа. Ее высокая духовность и сегодня влияет на нас. Культ народного музицирования присутствует не только в среде поющих, но и в людях, как будто не наделенных музыкальными способностями. Пока что эта благотворная традиция с честью выстояла в борьбе с неудержимым натиском массовой популярной музыки, когда даже сельский клуб оснащен комплектом электрогитар и ударной установкой. Но именно сегодня особенно следует позаботиться о том, чтобы в будущем народная песня не превратилась в музейную ценность, ведь национальный дух выражен в ней в не меньшей степени, чем в языке народа.

Но вот парадокс: именно в тех случаях, когда стремление продемонстрировать свою принадлежность к национальной культуре становится самоцелью, результат оказывается малоубедительным! Наверное, самой плодотворной тенденцией современного творчества будет освобождение от элементов «этнографизма» и приближение к духовной сфере фольклора.

— А как, на ваш взгляд, в современном музыкальном мире соотносятся традиции и новаторство?

— Традицию создают новаторы. Великие новаторы. Часто их воспринимают как разрушителей существующей традиции. Однако, утверждая собственный музыкальный мир, они выступают в роли основоположников новой традиции, которая, в свою очередь, вскармливает тех, кому предстает ее разрушить. Подобная преемственность художественных поколений — залог вечного движения вперед, и именно «разрушители» оказываются создателями. Прокофьев и Шостакович создали свои традиции потому, что были огромными творческими индивидуальностями, а следовательно, новаторами.

— Как идет ваша собственная творческая работа, легко или трудно?

— Мучительно. На одно сочинение крупной формы уходит два—три года, хотя звучит оно, готовое, всего 25—30 минут. После того, как произведение исполнено, вношу в него окончательную правку (иногда это повторяется и после второго, третьего исполнения). Далее начинается самое слож-

ное — надо расстаться с тем, что было в течение долгого времени предметом любви и ненависти, как будто вместе прожита жизнь с ее радостями и горестями. И так каждый раз, и от сочинения к сочинению трудности возрастают.

— Возможно, помогают переключения от симфонии к опере, к музыке для драматического театра, кино?

— Конечно. Причем помогают разносторонне. И в театре, и в кино я общаюсь с личностями. В драматическом театре это Роберт Стурра. В кино — Данелия, Шенгелая, безвременно ушедший из жизни Калатаозишвили... Не знаю, что важнее для меня — кристаллизация в «прикладной» музыке некоторых образов будущих симфоний или же сам процесс общения. Наверное, и то и другое. Тем более, что я соприкасаюсь не просто с большими художниками, но и с людьми, которых очень люблю. Причем сталкиваясь, к примеру, с Георгием Данелия, замечаю, что он мученик в еще большей степени, чем я. Когда видишь готовую работу Роберта Стурра, кажется, что ему все дается легко, но я знаю, что стоит за этой «легкостью». И так как у нас близкие, дружеские взаимоотношения, эти люди, конечно же, влияют на меня и, соответственно, на мою музыку.

— Первый исполнитель вашей музыки непременно дирижер Джансук Кахидзе...

— О нем я могу говорить бесконечно. Видимо, такие люди стояли у истоков грузинской народной песни. То, что он делает с моей музыкой, всегда выходит за рамки понятия интерпретации. Он как бы творит собственную модель, которая, как правило, превосходит все мои ожидания. Если бы рядом со мной не было Кахидзе, я, наверное, писал бы иначе.

— А в чем вы видите жизненную силу музыки?

— В сравнении с архитектурой или монументальной живописью музыка находится в более благоприятном положении: со временем здесь происходит естественная фильтрация, многое заслуженно забывается. Может быть, это частность? А шире — сам смысл существования искусства заключается в том, что оно бросает вызов несправедливости, лжи, невежеству, грубости, противопоставляя им добро, красоту, свет. И музыка как искусство, не связанному с конкретными понятиями и зрительными представлениями, дано воплотить эти идеалы в наиболее универсальных и одновременно максимально осязаемых образах. Красота в музыке какая-то особенно хрупкая, невинная, легко ранимая. Но, быть может, именно поэтому безгранична ее эмоциональная сила. Платон говорил: «В идеальном государстве музыка должна быть обуздана и ограничена законом — так сильно ее воздействие, так легко она размягчает дух». К счастью, за истекшие два с лишним тысячелетия, «обуздать» силу музыки никому так и не удалось. И сила ее — в красоте, насыщенной духовностью. Или в духовности, насыщенной красотой.

Беседу вел музыковед
Н. ВИЛЬНЕР.

На снимке: композитор Гия Канчели.

Фото Ю. ПОДКИДЫШЕВА.